

Ци Гу вышел из переписки с Линь Ханьчжи. Перед тем как закрыть чат, ещё раз посмотрел на его аватарку, поколебался пару секунд и подумал: раз уж одну фотографию сохранил, то одна или две — какая разница. И сохранил ещё и аватарку.

Да, снимок и правда красивый. Пусть будет как просто хорошая картинка из интернета.

Тем временем Му Синчэнь, отчаянно экономя каждую секунду, наконец вспомнил ответ и уже собирался радостно его выдать, как заметил: на видео лицо учителя всё ещё сохраняет ту улыбку, которую тот редко показывал ему.

— ...Учитель, я уже вспомнил. У вас что-то очень хорошее случилось? Почему вы так радуетесь? — любопытство в конце концов победило, и Му Синчэнь не выдержал.

Услышав вопрос, Ци Гу слегка застыл, будто только сейчас понял, что улыбается.

— Ничего. Раз вспомнил, продолжай читать наизусть.

Увидев, что учитель снова стал строгим и улыбка исчезла, Му Синчэнь больше не осмелился отвлекаться. Послушно продолжил декламировать, время от времени ещё и попадая под внезапные дополнительные вопросы учителя. Страдал он сейчас невероятно.

Когда Му Синчэнь дошёл до одной фразы, Ци Гу холодным голосом, от которого у ученика всё внутри сжалось, поправил:

— Иероглиф 白 в фамилии читается «Бай». Перепиши эту фразу двадцать раз, добавь пиньинь и пришли мне.

Сказав это, Ци Гу на мгновение ощутил себя учителем китайского языка в начальной школе.

Му Синчэнь помолчал, после чего лицо его покраснело: «.....»

Вот он, налог на недостаток образования. Всё равно пришлось платить.

К тому времени, когда звонок с Му Синчэнем закончился, было уже за девять. Экран телефона погас, и на чёрном стекле отразились спокойные глаза Ци Гу и ровная линия губ.

Неизвестно, что он вспомнил, но вдруг поднял два пальца, прижал их к уголкам губ и чуть потянул вверх, изображая улыбку. Подумал, немного ослабил натяжение. Человек на чёрном экране улыбался.

Так он и правда только что улыбался.

Но... в переписке ведь не было ничего смешного?

Почувствовав, что ведёт себя странно, Ци Гу убрал пальцы и вместо этого взял пухлый моти «снежная красавица» и начал есть. Его неизменный жизненный принцип гласил: если не знаешь, что делать, сначала поужинай.

* * *

На другом конце Мяо Юэ наконец тоже не выдержала странной улыбки Линь Ханьчжи и сказала:

— Босс, пожалуйста, перестань так улыбаться. Жутко же... Ты вообще понимаешь, как сейчас выглядишь? Как извращенец, который прячется в подвале и тайно планирует кого-нибудь прикончить.

Линь Ханьчжи бросил на неё взгляд и точно нащупал слабое место своей дешёвой «дочери»:

— Что, магазин уже не нужен? Если не нужен, отдам Пубу Гэсану.

— Нет-нет-нет, я неправа! Улыбайтесь как хотите. Вы как ни улыбнитесь — всё равно красавец. Даже если станете извращенцем, будете самым красивым извращенцем! — на одном дыхании выпалила Мяо Юэ и тут же заискивающе улыбнулась. — Что Пубу Гэсан, ребёнок, вообще понимает в ханьфу, полита-платьях и JK? Отдать магазин ему — это же пустая трата!

...

Под ледяным молчанием Линь Ханьчжи и непрерывными оправданиями Мяо Юэ водитель служебной машины невозмутимо довёз их до пятизвёздочного отеля и почтительно проводил взглядом двух гостей.

А едва они скрылись, лицо водителя мгновенно изменилось. Ноги задрожали, он выхватил телефон и позвонил жене:

— Мамочки, я сейчас двух психов вёз! Один то печальный, то счастливый — лицо меняется быстрее, чем светофор. Вторая только и говорит про извращенцев и убийства! И я ведь забрал их ночью прямо с горы! До смерти перепугался... Жена, как думаешь, я не столкнулся с нечистью? Может, завтра в храм сходить?

Жена мягко успокаивала его несколько минут. Только тогда водитель на макаронных ногах вернулся в машину. Новые заказы брать не стал и поехал прямо домой.

Линь Ханьчжи и Мяо Юэ вместе вошли в холл оформлять номера. Мяо Юэ взглянула на его

карточку от комнаты:

— Почему нас поселили не на одном этаже? Сейчас настолько много богачей, что номера разобрали?

— Я сам попросил так расселить. Боялся, что ты станешь мне мешать.

Мяо Юэ: «...Кому ты нужен? Катись».

Они вошли в лифт. Линь Ханьчжи нажал кнопку этажа и сказал:

— Хорошо придумай стиль своего магазина, сама найди дизайнера. Завтра сообщишь Цзин Пину банковские реквизиты дизайнера. Опоздаешь — предложение сгорит.

Мяо Юэ решила, что Линь Ханьчжи всё ещё мстит, и тут же завершила:

— Не волнуйся, я уже почти всё продумала. Даже не мечтай отказаться от обещания!

Линь Ханьчжи жил на пятом этаже, Мяо Юэ — на седьмом.

Войдя в гостиничный люкс, он небрежно включил весь свет, создавая впечатление, что номер ярко освещён и хозяин внутри. Затем направился к окну и лёгким движением перелез наружу.

Одновременно он начал быстро спускаться вниз в необычной манере: падал, точно хватался за ограждение каждого этажа, на мгновение тормозил и снова отпускал руки. В конце концов обе ноги устойчиво коснулись земли. Только лицо стало немного бледнее.

Приземлившись в кустах, Линь Ханьчжи осмотрелся, убедился, что рядом никого, обогнул камеры и вышел на тёмную дорожку, где стояла машина, которую он заранее попросил оставить здесь прокатную компанию.

Чтобы не привлекать внимания, арендовал Volkswagen. Обычный белый автомобиль выехал на главную дорогу, влился в поток и очень быстро совершенно в нём растворился.

Никто не узнает, что этой ночью Линь Ханьчжи покидал отель.

Volkswagen несколько раз перестраивался в городском потоке, а затем свернул на дорогу, по обеим сторонам которой тянулись зелёные сосны и кипарисы. Это была дорога к мемориальному кладбищу павших. Наконец машина достигла цели — кладбища павших героев города Шаньинь.

Могила прежнего главы Управления Юэ Юаня находилась именно здесь. Половину жизни он мотался по всей стране и работал то тут, то там, но последним его желанием было не лежать вместе с другими умершими сотрудниками Управления. Он хотел вернуться в маленький город Шаньинь, где родился и вырос, — чтобы опавший лист вернулся к корням.

При жизни он говорил:

— За эту жизнь я всю страну исходил. Ходил туда-сюда, а всё равно именно там мне спокойнее всего. Только там чувствую, что дома.

Когда-то он жил там вместе с матерью, и в его жизни был короткий тёплый период.

Почему он не выбрал родовое кладбище семьи Юэ? Потому что сам Юэ Юань не относился к законной линии рода. Он был внебрачным сыном, которого семья вынужденно разыскала и вернула лишь после того, как наследственная кровь Юэ начала угасать и понадобился кому-то передать семейное искусство.

В детстве, когда дети разных мистических семей собирались на базовые занятия, Юэ Юань постоянно подвергался травле. Ещё бы: пришёл со стороны, выглядел грубоватым и нескладным, думал прямолинейно, да ещё и происхождение было «неприличным».

Никто его не уважал и не хотел с ним играть.

Пока не появились родители Линь Ханьчжи. Эти двое выросли вместе с детства и были настоящей парой шутов. Улыбаясь, ворвались в одинокий мир Юэ Юаня и принесли туда бесконечное веселье.

Когда в двенадцать лет они окончили школу, Юэ Юань поблагодарил их за то, что, несмотря на неодобрение окружающих, они дружили с ним. А на лицах обоих глупцов появилось настолько искреннее удивление, что один выглядел ошеломлённее другого.

Оказывается, они были настолько беззаботны, что вообще не заметили, что остальные изолировали Юэ Юаня.

Впрочем, даже заметив, они бы не придали этому значения и уж точно не сделали бы чужое отношение условием дружбы.

Когда позже Юэ Юань всё-таки спросил, почему они выбрали именно его, супруги ответили:

— Мы двое много говорим, ты мало. Никому не приходится перебивать друг друга.

Вот уж действительно чистокровная парочка придурков.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949112>